

Михаил Венюков

**Поземельные приобретения и
уступки России за
последние тридцать лет**

Михаил Венюков

**Поземельные приобретения
и уступки России за
последние тридцать лет**

«Public Domain»

1880

Венюков М. И.

Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет / М. И. Венюков — «Public Domain», 1880

«Последне-обнародованные статистические данные показывают, что Россия к 1 января 1880 года занимает 395,189 кв. г. миль,[1] а тридцать лет назад она простиралась лишь на 375 000 кв. миль, считая тут даже те земли, которые были заняты кавказскими горцами, тогда еще непокорными. приращение её пространства, стало быть, очень значительно с конца первой половины нашего века и доходит до 20,000 кв. миль, что слишком вдвое более Франции. Но закончено ли оно? Если же не закончено, то чего нужно бы еще желать?»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Михаил Венюков

Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет 1850–1880

Последне-обнародованные статистические данные показывают, что Россия к 1 января 1880 года занимает 395,189 кв. г. миль,¹ а тридцать лет назад она простиралась лишь на 375 000 кв. миль, считая тут даже те земли, которые были заняты кавказскими горами, тогда еще непокорными. Приращение её пространства, стало быть, очень значительно с конца первой половины нашего века и доходит до 20,000 кв. миль, что слишком вдвое более Франции. Но закончено ли оно? Если же не закончено, то чего нужно бы еще желать?

Пора, конечно, перестать думать о завоеваниях, имеющих целью одно увеличение размеров нашего отечества, которое многими смешивается с его величиим; но время также сознательно высказаться на счет того, имеем ли мы все, что нужно, чтобы государственная и национальная область наша могла считаться естественным целым, таким целым, что всякая прибавка к нему или отвержение от него той или другой местности влекли за собою существенный ущерб для интересов народа русского. Девятнадцатый век, есть век окончательного раздела земной суши между большими народностями. Кто сделает в этот век ошибку, тот не поправит ее потом долго и будет страдать от того, истощаясь в усилиях, быть может, совершенно напрасных.

Такой сознательный взгляд на государственную территорию, впрочем, привился уже, отчасти, если не к массам русского народа, то, по крайней мере, к передовым его представителям. Мы добровольно сделали с 1850 года две важные уступки, продав Соединенным Штатам североамериканские колонии наши и отказавшись в пользу Японии от Курильского архипелага. С другой стороны, мы сознательно не без усилий приобрели Амурский край, те части Кавказа, которые еще оставались во власти горцев, и значительную часть турецких Грузии и Армении. Наконец, отчасти волею, отчасти неволею, мы сделали много важных поступательных шагов в Туркестане и в Джунгарии. Оценить все эти перемены, показать их значение для будущности России – такова цель настоящего очерка.

Начнем с отдаленнейшего востока.

Северо-американские владения, от Берингова пролива на восток до 237-го градуса восточной долготы от Ферро, а на юго-восток, до берега Великого океана, даже до 248-го, приобретены были Россией в самом конце XVIII столетия (1799) и притом по почину не правительства, а частной торговой компании, в которой выдающуюся роль играл купец Шелехов. Уже в 1804 году явилась надобность удостовериться, что обещают эти отдаленные колонии, и потому туда послан был камергер Рязанов, зять Шелехова, назначенный в то же время и посланником в Японию. С тех пор сомнения в пользе этих колоний возражались нередко, так как государство из них ощутительной пользы не извлекало, а, между тем, в случае внешней войны с какой-нибудь морской державою, должно было нести тяжелое бремя их обороны. Конечно, акционеры компании, люди более или менее влиятельные, были против этого взгляда. Получая хорошие доходы от звериного промысла, они не прочь были обещать и всему русскому народу важные выгоды от владения ими, акционерами, отдаленною и обширною землею. Но правительство не могло вдаваться в обман. Особенно трудным стадо его положение во время восточной войны 1853-56 годов, когда для охранения

¹ Цифра эта, быть может, несколько более истинной, в виду сомнительного очертания на картах северного берега Азии, где важные неточности обнаружены Норденшильдом.

колоний от захвата Англии пришлось поставить их под охрану Соединенных Штатов. Плохое внутреннее управление колониями, возбуждавшее неудовольствие туземцев, вызвало также желание покончить с этим «неудобным» владением, и потому в начале шестидесятых годов была произведена новая ревизия его адмиралом Поповым, после чего вопрос о продаже далекой земли соседям её по Великому океану и нашим, *soi-distant*, политическим друзьям, американцам, был в основе решен. Окончательная уступка состоялась в 1867 году, за семь миллионов долларов золотом, при чем обнаружилось, на сколько наши «друзья» были действительно друзьями. Выговорив себе право занять территорию раньше уплаты денег и даже ассигнования их конгрессом, вашингтонские политики были потом не прочь если не уклониться вовсе от расплаты, то проволочить дело до какой-нибудь благоприятной для них случайности. Приходилось русскому посланнику в Вашингтоне посылать дорогие депеши по атлантическому канату, даже делать денежные подарки вожакам партий в конгрессе (напр. 15, 000 д. г. Бу), чтобы ускорить дело. Наконец, оно заключилось, более или менее, благополучно, и теперь Россия освободилась от владений на американском материке и в Алеутском архипелаге. Но корыстные американцы не прочь бы подвести под категорию бывших владений российско-американской компании и острова Командорские, лежащие вблизи берегов Азии. Даже более того: они уже много лет приглядываются к Чукотской земле, где, по их словам, нет русских властей, так что земля эта может считаться ничьею, т. е. может быть сделана американскою. Ими ежегодно ввозится туда немало табаку, мануфактурных изделий и водки, за которые они приобретают почти всю добычу чукчей от рыбного и звериного промыслов. Была даже с их стороны попытка учредить в Чукотской земле факторию, и потому в последние годы для охранения наших, уже занятых земель, нам приходилось посылать крейсеров в Берингово море, и очень может быть, что придется посылать их ежегодно, в продолжении нескольких лет и даже завести две-три постоянные станции, напр., на устье Анадыри, в бухте св. Лаврентия и в губе Колочинской, у северного конца которой зимовал Норденшильд.

Изложив эти основные данные об истории приобретения и утраты нами северо-американских владений,² имевших пространство свыше 23,000 кв. миль, мы в праве теперь спросить себя: вполне ли основательно мы поступали при последнем акте? Что колонии приносили мало выгоды России – это справедливо; что охранять их в военное время было трудно – это также несомненно; наконец, что американцам хотелось приобрести их в силу известного учения Монроэ – это опять неоспоримо. Но против этих трех основных мотивов купли-продажи желающие могли бы выставить немало возражений. Во первых, бывшие наши американские колонии, по климату и естественной производительности, были вовсе не из худших русских земель. Благодаря существованию известного морского течения, курорсиво, этого гольфстрима Тихого океана, Ситха, Аляска и Алеутский архипелаг отличаются климатом более теплым, чем многие другие части России, и если летом не бывает там жаров, то и зимой нет большой стужи. Вследствие этого, а также значительной влажности воздуха, страна богата лесами, которых великолепие прекрасно изобразил Киттлиц в атласе к «Путешествию Литке», и если мы не умели пользоваться этим богатством, то вина падает на нас самих. Не забудем, что в Шанхае, Фучжеу-фу и Гонконг мачтовые деревья продаются по 120–150 металлических рублей. Различные металлы, не исключая и золота, найдены ныне в недрах «территории Аляски»; у берегов её ловится много бобров, моржей и тюленей, а в соседних морях промышляют китов. Кто мешал нам пользоваться всем этим к немалой для себя выгоде? Переселив в колонии несколько тысяч русских людей, особенно из бедных северных губерний, населенных зверопромышленниками и рыболовами, мы могли бы расширить

² Не касаясь, впрочем, колонии Росс на берегу Калифорнии, которую мы добровольно оставили еще в 1846 г., пред самым открытием в соседстве её, на Сакраменто, золотых приисков.

русскую национальную область на 23,000 кв. миль, земель во всяком случае более производительных, чем киргизские и туркменские степи. Во вторых, что касается охраны колоний во время войны, то можно заметить, что если бы отправлять в Тихий океан перед каждой войной, хоть треть того флота, который теперь бесполезно замерзает каждую зиму в Балтийском море и оставался на кронштатском рейде, вот уже две войны, то, конечно, мы обеспечили бы полную безопасность не только американских колоний, но и владений наших у восточных берегов Азии. Да сверх того, моряки наши имели бы широкую практику от постоянных плаваний не в шхерах, где им не с кем будет сражаться, и где они ежегодно губят по кораблю, а в океанах.... Что американцы желали приобрести американскую землю – это понятно; но ведь не силою же добывались они от нас этого приобретения; уступать же обширную страну ради одной «дружбы», ради ожидания в «будущем» политического союза – по меньшей мере наивно.... Впрочем, оставим все дело о продаже американских колоний без дальнейшего рассмотрения, как вполне и безвозвратно решенное. Сожалеть о их утрате значило бы теперь почти то же, что горевать о соединенном с нею прекращении незахода солнца над русской империей.... Дельнее будет заметить, что при продаже колоний мы связали себя условием, которого смысл едва ли особенно для нас выгоден. Разумею оговорку о связи с русскою церковью тех лиц православного исповедания, которые остались в бывших наших владениях, но сделались американскими гражданами. Если бы мы вздумали строго следить за поддержанием этой связи, то, конечно, в короткое время поссорились бы с американцами; если же этой строгости не имелось в виду, то, кажется, незачем было и договариваться о вероисповедании людей, совести которых, во всяком случае, никто не стад бы насиловать в стране такой полной религиозной свободы, как Соединенные Штаты. Не возникни, в силу сказанного условия, русского епископства в Сан-Франциско, не было бы, конечно, и тех «соблазнов», которые имели место в православной общине этого города, к невыгоде русского имени.

В другой части Тихого океана, близ берегов материка азиатского, нами сделаны с 1850 года: приобретение Сахалина и уступка Курильских островов. Два эти события находятся в тесной между собою связи.

В 1805 году посланник наш, Рязанов, недовольный приемом японцев и желая им отмстить за это, послал двух морских офицеров, Хвостова и Давыдова, с судном на Сахалин, чтобы объявить эту, никому непринадлежавшую землю, русским владением. Так как по берегам Сахалина каждое лето появлялись японские рыболовные ватаги, а зимою оставалось несколько японских сторожей, то иеддоское правительство приняло к сердцу действия Давыдова и Хвостова и сочло их неприязненными со стороны России. В силу того оно, в 1811 году, хитростью захватило Головнина с несколькими моряками в плен, а свободным спутникам их объявило, что не выпустит пленников до тех пор, пока Россия формально не откажется от своих домогательств на Сахалин. Отказ этот с нашей стороны был сделан в форме признания действий Хвостова и Давыдова самовольными. Таким образом, не могло быть с нашей стороны больше и речи об этой земле. Но вот, в 1854 году, т. е. одновременно с первою экспедициею вдоль Амура является в Нагасаки, а потом в Симоду, адмирал Путятин и заключает договор, в силу которого остров Сахалин объявляется «еще неразграниченным» между Россиею и Японией, как будто Россия имела все-таки на него какие-нибудь права. Потом, в 1867 году, условие это подтверждается г. Стремоуховым с пояснением, что «остров состоит в нераздельном владении Японии и России», но что «туземцы – свободны.» Такого необыкновенного положения страны в 1200 кв. миль еще не встречалось в истории международного права, а потому нужно было из него выйдти. И этот выход особенно был желателен для нас, так как, с присоединением амурских владений, Сахалин приобрел большую важность: стратегическую, потому что он запирает вход в реку Амур, и экономическую, потому что на нем находятся прииски каменного угля, очень нужного для нашего флота в Японском море. Переговоры тянулись довольно долго и, наконец, в 1875 году увенчались

успехом. Сахалин стал исключительно нашим, но зато мы уступили Японии Курильский архипелаг. Мало того: за японцами оставлено право ловить у сахалинских берегов рыбу, что, со временем, когда остров заселится русскими, может повести к некоторым неудобствам. Мы не станем предугадывать, чем еще предстоит нам поплатиться за отказ японцев от этого права; но заметим, что японских рыбопромышленных заведений никогда не было на Сахалине севернее 48-го градуса широты, что лежащая на юг отсюда часть острова имеет не более 215 кв. миль, и что уступленный нами Курильский архипелаг занимает почти половину этого пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.